

Александринскій театръ.

Въ понедѣльникъ, 15-го февраля, въ 19-й разъ: „Обыватели“, ком. В. А. Рыкова.

Во вторникъ, 16-го февраля, въ 6-й разъ: „Передъ зарею“, картины старыхъ дней, П. П. Гаѣдича.

Въ среду, 17-го февраля, въ 20-й разъ по возобновленіи: „На всякаго мудреца довольно простоты“, ком. А. Н. Островского.

Въ четвергъ, 18-го февраля, въ 13-й разъ: „Свѣтлая личность“, ком. Е. П. Карпова.

Въ пятницу, 19-го февраля, въ 7-й разъ по возобновленіи: „Волки и овцы“, ком. А. Н. Островского.

Въ субботу, 20-го февраля, въ 7-й разъ: „Передъ зарею“, картины старыхъ дней, П. П. Гаѣдича.

Въ воскресенье, 21-го февраля, утромъ: въ 17-й разъ по возобновленіи: „Недоросль“, ком. Д. М. Фонвизина.

Вечеромъ: въ 35-й разъ: „Вишневый садъ“, ком. Ан. П. Чехова.

Къ кожухѣ В. Ф. Коммисаржевской.

Жезабеккая...

...Закатилась ясная, печальная звѣзда...

Звенищая душа властительницы нашихъ думъ и настроений замолкла навсегда...

Не стало Вѣры Федоровны...

Сломаны крылья прекраснѣйшей „Чайки“...

На-дняхъ еще наши встревоженные души успокоились послѣ коротенькой телеграммы, принесшей намъ радостную вѣсть: болѣзнь протекаетъ нормально... есть надежда на благополучный исход...

Но судьба уже готовила нелѣпый удар...

По тонкой телеграфной проволокѣ изъ далекаго, чуждаго Ташкента уже ползли черныя, жуткія слова:

„Положеніе В. Ф. безнадежное“...

„Смерть“.

Это такъ ужасно... и такъ ужасно просто.

„Смерть“... и все...

— Что наша жизнь?..

Горечь и ужасъ, безпощадный ужасъ, затмеваетъ способность соображеній.

Негабвенная Вѣра Федоровна, вся сотканная изъ золотыхъ нитей, свѣтлая, лучезарная,— казалось, у нея впереди еще длинная, звенищая дорога. Казалось, что ея тонкое, золотое дарованіе—это тихое и ясное зеркало ея души—еще много лѣтъ будетъ намъ дарить прекраснѣшіе, прозрачные образы и среди тяжкаго труда и лишений нашей жизни заставить насъ еще не разъ погружаться въ золотые сны, въ хрустальную грезу...

И вдругъ... смерть!..

Перестало биться для насъ сердце наивное и красивое... Замолкъ навсегда чарующій, нѣжный голосъ, говорившій намъ всегда съ неизъяснимою ласкою о чёмъ то высоко-трогательномъ...

И для насъ, задушенныхыхъ прозою жизни, теперь сразу поблекли нѣжные образы грезы.

...Есть женщины бѣлыя и ясныя, какъ нѣжный голубь... съ золотой и звенищей душой.

Онѣ вносятъ въ нашу жизнь какую то золотистость. Онѣ заставляютъ насъ забывать про темную жуть жизни...

Такою бѣлою, какъ жрица древніяго храма, женщиною была Коммисаржевская.

Когда жизнь наша становилась тяжкой и грустной, мы шли въ тѣтъ театръ, гдѣ царила чуткая и нѣжная душа Вѣры Федоровны.

Когда намъ становилось тѣсно и больно, мы прислушивались къ ея призыва красоты и ласковыхъ чувствъ и отъ нихъ, казалось, хорошила наша унылая жизнь.

Мы видѣли одухотворенное, тонкое лицо съ прекраснѣйшими, скорбными глазами, прислушивались къ этой хватайющей за душу дрожи въ голосѣ В. Ф., видѣли алмазныя слезы прекраснѣйшей женщины.

И наше сердце пламѣло.

Чья то скорбная, нѣжная рука зажигала въ нашей душѣ факель яркихъ иллюзій и мы уносились въ прекрасный міръ свѣтлыхъ вѣрованій и надеждъ.

* *

Всю свою недолгую жизнь эта нѣжно-блѣдая женщина съ безконечно-изящной душой шла путемъ юности и со знаменемъ истиннаго искусства.

Она стремилась къ высшимъ задачамъ искусства, къ яснымъ вершинамъ...

Вѣра Федоровна, эта дивная женщина, соединяла въ себѣ яркое дарованіе и индивидуальную красоту личности.

Коммисаржевская—это одно изъ самыхъ яркихъ и прекрасныхъ явлений на уныломъ фонѣ россійскихъ сѣрыхъ будней, среди которыхъ гуляютъ такъ много жалкихъ отраженій кривого зеркала.

Она—это грустное „дитя солнца“, эта прекрасная чайка, лишенная счастья въ личной жизни, щедрою рукою дарила намъ сокровища своей богатой души, дарила намъ сладостныя грезы и сновидѣнія, облеченные въ прелестныя, чарующія формы.

**

Вспоминая въ этотъ скорбный часъ святой обликъ В. Ф., нашу угасшую гордость, нашу ушедшую свѣтлую радость, хочется молитвенно произнести: вѣчная память тебѣ, лучезарная, незабвенная...

Андрей Ростовцевъ.

В. Ф. Коммисаржевская.

(Ум. 10 февраля 1910 г.).

Аккордъ еще рыдает...

И вотъ ея не стало... Та, которую мы всѣ такъ любили—умерла; и—смушенные—стоимъ мыу свѣжей еще могилы—передъ великой тайной смерти...

„Есть только двѣ формы жизни,—говорилъ Мак-симъ Горькій,—гненіе и горѣніе“, и когда человѣкъ избираетъ вторую форму, жизнь его, какъ туто на-тинутая струна, обрывается слишкомъ рано...

Жизнь Коммисаржевской — непрерывный рядъ исканій новыхъ, еще не сознанныхъ, формъ прекраснаго, непрерывный рядъ скитаній трепетно-чуткой мысли въ какомъ то сказочномъ мрѣ неясныхъ грезъ и волшебныхъ очертаній...

Но искать значитъ—ошибаться, и въ искусствѣ ошибка, подчасъ, нужнѣе и почетнѣе аксіомы. Ру-тина — вотъ противъ чего всю жизнь боролась ар-тистка, и орудіемъ этой борьбы она выбрала та-ланть, свой талантъ, въ которомъ было столько силы, столько обаянія и—почему не признаться?—столько безсилія и нѣжной хрупкости.

Попытка создать новый театръ не удалась Ком-мисаржевской; эта попытка была слишкомъ рево-люціонна; это было скачетъ, а не развитіе; порывъ, а не процессъ. Но несомнѣнной заслугой Коммисар-жевской остается то, что въ старомъ храмѣ она угадала незримое присутствіе новаго божества, пе-редъ которымъ—почемъ знать?—грядущія поколѣнія съ благоговѣніемъ воскурять фимиамъ. Это слѣдуетъ помнить тѣмъ, которымъ многое въ творчествѣ ар-тистки казалось парадоксомъ.

Отнимите у земли ея полосы—она все же оста-нется землею; отнимите у человѣчества его крайно-сти—она превратится въ стадо.

Въ жизни Коммисаржевской было много тиже-лыхъ страницъ, поэтому, быть можетъ, она съ такою простотою — однимъ звукомъ своего дивнаго голоса, однимъ мерцаніемъ задумчивыхъ глазъ — умѣла во-площать страданіе на сценѣ; и часто у насть, зри-телей, при созерцаніи ея игры рождались глубокіе, безбрежные вздохи, и часто намъ казалось, что ея жизнь, полная тревогъ и непонятной муки,—не сонъ, а мучительная безсонница, отъ которой она изба-вится, умирая...

Борисъ Бразоль.

Печать о смерти В. Ф. Коммисаржевской.

Ужасная по своей неожиданности, трагическая по обстановкѣ и невознаградимая по цѣнности утраты—смерть Вѣры Федоровны Коммисаржевской потрясла весь театральный и литературный мрѣ. Сегодняшнія газеты полны статей о ней; въ нихъ—глубокая скорбь, порою растерянность. Первый біографъ артистки, Юр. Бѣляевъ, говоритъ въ „Н. В.“:

„Когда я думаю о своемъ призваніи, я не боюсь жизни...“

Эти слова изъ чеховской „Чайки“ написала Коммисаржевская для моей первой книжки—книжки о ней.. Это было „до Станиславскаго“, до „настроеній“, до Чехова, въ дни благодонамѣренного, казенного репертуара, когда изъ провинціи пришла худенькая, тщедушная актриса, дочь извѣстнаго пѣвца, пришла „принцессою кочующей и бѣдной“, безъ друзей, безъ рекламъ, „без-приданницей“ для жениховъ дорогого партера и миллио-нершей для насть, скромныхъ абонентовъ Александрики. Принцесса! У нея въ душѣ былъ большой ларецъ съ драгоцѣннымъ талантомъ. И она открыла намъ этотъ ларецъ...

— Это—бриллантъ, это—нѣжный, душистый пер-сикъ! — говорила про Коммисаржевскую Савина. — Ее нужно показать и спрятать въ тепло, въ вату...

Савина была права. Буря погубила Коммисаржевскую, нашу милую, незабвенную Чайку!. Коммисаржевская—драма русской драмы. Она въ жизни своей, въ сцени-ческой жизни, показала, какъ труденъ, какъ опасенъ подвигъ русской актрисы... Бѣдная, прекрасная русская актриса! Ею будетъ гордиться нашъ театръ, не богатый талантами. Его судьба—судьба Коммисаржевской. Онь—тоже кочующій, ищущій, описанный больше судебными приставами, чѣмъ историками, случайный, невѣдомо, откуда пришедший, невѣдомо, где кончающейся. Женскіе образы, созданные Коммисаржевской, цѣлая вереница, цѣлый хороводъ нѣжныхъ образовъ, склоняется надъ ея гробомъ и благодарно роняетъ слезы на холодное тѣло актрисы...

В. Ф. Коммисаржевская—натура обширная—была всегда самой собою, въ жизни и на сценѣ. Это отмѣчаетъ въ „Рѣчи“ Влад. Азовъ:

Отправляясь на спектакль съ участіемъ Вѣры Фе-доровны, я никогда не интересовался вопросомъ, какую именно роль она сегодня играетъ. Она играетъ и, стало быть, я увижу ея нервное лицо, ея большие печальные глаза—зеркало большой и сложной души, услышу ея единственный, можетъ быть, въ мрѣ голосъ—эхо души глубокой и страстной. Не все ли равно, въ какомъ она будетъ парикѣ, въ какомъ костюмѣ и даже въ какой, подаваемой изъ суплерской будки, психологіи? Я видѣлъ Вѣру Федоровну въ „Безприданницѣ“ 11 разъ—и завтра охотно пойду смотрѣть ее въ этой же роли въ 12-й разъ. Въ послѣднемъ актѣ она будетъ пѣть цыганскій романѣ. Я зажмурю глаза и унесусь воображеніемъ куда-то далеко-далеко отъ Островского, отъ Волги, отъ цыганскаго романса. Въ какую-то волшебную страну, где нѣтъ ни словъ, ни драматическихъ положеній, ни содержанія. Гдѣ говорятъ о чёмъ-то невѣдомомъ, недо-стижимомъ, непереводимомъ на языкъ рѣчи грустные глаза, гдѣ жесть, поза и тембръ голоса заключаютъ въ себѣ такъ много смысла, весь смыслъ вещей. Потомъ я услышу прощальныи крикъ Ларисы. Какой Ларисы? Коммисаржевской, женщины, человѣка. И я услышу въ этомъ крикѣ всю боль женской души, преданной заклятью любви. О, жестокой любви! Молоха, изобра-жаемаго почему-то крылатымъ ребенкомъ... Я не пойду завтра на „Безприданницу“. Завтра я пойду на панихиду...

Вѣра Федоровна близка намъ, какъ другъ, какъ человѣкъ, живущій съ нами одной жизнью, здѣсь, среди насть. А. Измайлова пишетъ въ „Б. В.“:

Но и въ Норахъ, и въ Чайкахъ, и въ исторически далекихъ отъ нашего вѣка, но психологически намъ близкихъ Офелияхъ,—она была необыкновенно близка нашему сумеречному, нашему нездоровому вѣку, какъ плоть отъ плоти и кость отъ кости. Мы видѣли, что Савины, Федотовы, Ермоловы больше ея. Такъ Толстые и Тургеневы, Айвазовскіе и Рѣпини ясно казались намъ великими; но наши сердца привлекались къ прекрасной печали Чехова, къ грустному, задушевному, ласковому пейзажу Левитана. Есть трудно формули-руемый, но несомнѣнnyй параллелизмъ между Коммисар-жевской и этими мастерами пера и кисти.

Савины, Ермоловы, Федотовы — были больше, но Комиссаржевская была ближе. Тѣ были властительницы думъ своихъ поколѣй. Комиссаржевская властительствовала надъ своимъ. Она зажигала румянцемъ щеки курсистокъ и бросала искры въ сердца студентовъ, которая потомъ вспыхивали огнемъ восторженныхъ рѣчей въ прокопченныхъ табачнымъ дымомъ студенческихъ мансардахъ.

Голосъ В. Ф. былъ единственный, глаза, полные очарованія, держали въ плѣну всѣхъ, кто когда-либо видѣлъ ее.

Въ ея дивномъ, единственномъ на русской сценѣ голосѣ, въ ея глазахъ, такихъ страдальческихъ, такихъ трагическихъ, — въ этихъ глазахъ „испуганной орлицы“ чуялись такая сила и глубина переживаній, что порою страшно становилось за нее.

Тяжкій даръ пророчества, — говоритъ А. Колосовъ въ „Б. В.“, — трагедію искусства переживала она, какъ личную трагедію.

Искательство В. Ф. новыхъ путей въ искусствѣ отмѣчаетъ Вл. Бояновский въ „Нов. Руси“:

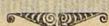
Но какъ бы тамъ ни было, каковы бы ни были результаты исканій Комиссаржевской въ этомъ направленіи, но были исканія. Они показывали, что крылья чайки Комиссаржевской не сохнутъ, огонь горитъ, что въ эпоху общей растерянности она не теряетъ бодрости духа и живетъ полной, настоящей жизнью жрицы искусства. И развѣ могутъ быть забыты созданные въ порывѣ этихъ исканій прекрасные образы сестръ Беатrice и Мелисанды?.. Если у насъ поняли и полюбили Метерлинка, поняли не отдѣльные люди, а цѣлые большія группы общества, то, безспорно, въ этомъ Комиссаржевская сыграла главную роль.

Она умерла въ расцвѣтѣ силъ. Ей было бы теперь только 40 лѣтъ, и кто знаетъ, по какимъ новымъ путямъ могла бы повести сценическое искусство эта вѣчно искавшая, мятущаяся душа покойной артистки, одинокой въ своихъ исканіяхъ, одиноко жившей и одиноко умершой...

Омега въ „Пет. Газ.“ характеризуетъ В. Ф., какъ яркую выразительницу горя, надорванности, обропленности:

Какъ въ ея голосѣ, такъ и въ душѣ ея, какъ будто, всегда звучала высоко настроенная, тонко-музыкальная, напряженно звучащая струна, — и въ этихъ звукахъ плакало страданіе, терзалось русское горе, — горе надорванности, неудовлетворенности, обропленности, — и пѣла русская пѣснь, то плачущая, какъ зимняя вьюга, то разудалая и широкая, какъ буйная молодость, какъ безбрежная русская степь...

Комиссаржевская была настоящимъ русскимъ талантомъ, артисткой „нутра“.

Панихиды.

Вчера, въ 10^{1/2} ч. утра, въ фойе Нового драматического театра отслужена была панихида. Присутствовали родственники, артисты, литераторы, театральные критики, много учащейся молодежи. Раздавались рыданія... Послѣ панихиды курсистки долго не отходили отъ большого портрета В. Ф.; крупные слезы катились по щекамъ... слышались едва сдерживаемые стоны. Была глубока скорбь о милой артисткѣ, такъ близкой своимъ сердцемъ юнымъ душамъ...

Въ 3 ч. дня подъ сводами Казанского собора раздаются скорбные звуки „надгробного рыданія“ и

траурная печаль точно сгущается въ этой таинственной полутьмѣ. Темнѣютъ толпы опечаленныхъ родственниковъ, друзей, почитателей милой Вѣры Федоровны. Уже не увидѣть они ея чающихъ глазъ, не услышать ея обаятельный голоса... Скорбныя пѣсни растутъ. Бритыя лица актеровъ, юные головки курсистокъ, студенты, драматурги, беллетристы, критики, офицеры, много дамъ, — все публика премьеры театра Комиссаржевской. Глаза у многихъ омыты слезами, чистыми слезами, рожденными чистой любовью, въ которой нѣть ни единой тѣни, которая не омрачена ни тѣлесной страстью, ни подогрѣта расчетами. Великой инстинктивной любовью народныхъ массъ къ театру, къ его талантливымъ служителямъ.

— Живите въ театрѣ, умрите въ театрѣ...

Медленно расходятся. Женщины откровенно плачутъ. Мужчины скрываютъ предательскія слезы и жмутъ руку такъ крѣпко, такъ хорошо, по-новому. Чистая скорбь, чистыя слезы омываютъ душу...

— Печальная премьера, единственная послѣдняя страшная премьера смерти!...

Расходятся. Путѣбѣть храмъ, подъ древними порталами уже одинокія, опечаленные фигуры. Такъ плакали греки, принося Ифигенію въ жертву...

Но Ифигенія была похищена богами и обрѣли ее невредимой въ Таврии.

Наша жертва вечерняя уже не вернется больше...

Сегодня въ Казанскомъ соборѣ панихида по скончавшейся Вѣрѣ Федоровнѣ Комиссаржевской — въ 1 часъ и 3 часа дня. Завтра — въ 3 часа.

Теченіе болѣзни Вѣры Федоровны шло совершенно нормально. Жизнь была виѣ опасности. Но въ ночь на 9 февраля съ ошеломляющей быстротой наступило ухудшеніе. Назрѣвшая оспенная сыпь обнаружила подъ собой такое количество гноя, что, сходя съ тѣла, срывала его покровы. Постепенно, вслѣдствіе гангренознаго зараженія крови, образовалось омертвѣніе тканей туловища, рукъ, ногъ. Страдавія были настолько мучительны, что Вѣра Федоровна еще за нѣсколько часовъ до смерти лишилась сознанія и умерла, не приходя въ себя.

В. Ф. Комиссаржевская въ послѣдніе дни своей болѣзни изъявила желаніе быть похороненной въ Петербургѣ. Ташкентскія власти не находятъ препятствій къ вывозу тѣла В. Ф. изъ Ташкента.

Петербургскими властями, какъ мы слышали, уже разрѣшено привозъ тѣла В. Ф. въ Петербургъ.

Мать покойной — М. Н. Комиссаржевская перенесла извѣстіе о смерти горячо любимой дочери стойко. Съ своей стороны, она хочетъ похоронить ее въ Царскомъ Селѣ.

